

Анатолий Иванов

Печаль полей

Похоронка на отца пришла как раз в тот день, когда Алешке Платонову исполнилось пятнадцать лет. Мать, распечатав конверт, охнула, бледными губами похватила, задыхаясь, воздух и рухнула на только что вымытый пол.

Потом мать отпаивали какие-то женщины, давали ей что-то нюхать. Алешка вышел из дома, побрел вдоль улицы. Она была самой крайней в их городе, дома скоро кончились, начались поля, березовые перелески. Алешка забрел в одну из таких рощиц и сел в траву, прислонившись спиной к дереву.

И только здесь заплакал, заскулил, тихонько подвывая. Он не хотел плакать, хотел перенести горе молча, для этого и ушел из города. Но сердце давило, оно словно истекало кровью, в животе была холодная пустота, и плач нельзя было сдержать, он рвался сам собой сквозь стиснутые зубы.

Здесь его и нашел Борька Чехлов. Он неслышно подошел сзади, постоял и тихонько сказал:

— Слышь, Алеха... Не надо, а?

Алешка плакал, но слез не было. А тут, после этих Борькиных слов, они вдруг хлынули —

обильные и горячие.

— Иди ты! — зло крикнул Алешка, размазывая слезы кулаком, как ребенок.

Борис помолчал, потоптался. Под его ногами похрустывали прошлогодние дудки.

— Мой-то батя тоже там ведь, — сказал он печально.

Эти слова почему-то успокоили немного Алешку. Но он все сидел не поднимая головы, часто всхлипывая.

Борька тоже присел, снял фуражку. Из-за надорванной подкладки вынул клочок газеты, стал крутить самокрутку. В тот год, прячась от школьных учителей и родителей, они начали тайно покуривать.

— А ты хочешь? — спросил Борька. — Успокаивает.

— Давай...

Руки Алешки дрожали, но он все же свернул папиросу. Борис сунул ему зажигалку.

Это была тяжелая, медная зажигалка, выточенная из плоского куска металла. Борька выменял ее на рынке у какого-то старика за ведро картошки. Зажигалка давно и сильно нравилась Алешке, и Борис это знал. Нравилась потому, что это была все-таки машина, с ее помощью можно без труда и в любое время добыть огонь. Спички же в те годы были большой редкостью.

На их улице ни у кого из мальчишек не было зажигалки, и Борькино сокровище вызывало всеобщую зависть.

Алешка открутил колпачок, большим пальцем крутнул стальное колесико. Тотчас над фитильком вырос красноватый язычок пламени.

Прикурив, он дунул на пламя. Потом снова крутнул колесико. Потушил и еще раз крутнул. Зажигалка действовала безотказно.

В другое время Борька крикнул бы: «Дурак! Бензин-то знаешь почему?!» — и отобрал бы зажигалку. Сейчас он равнодушно смотрел на Алешкино занятие.

Помедлив, Алешка протянул Борьке зажигалку.

— Возьми себе, — сказал вдруг Борька.

Алешка непонимающе поглядел на друга: такую вещь — и ему!

— Бери, бери, — быстро сказал Борька. — Я давно решил тебе подарить ее в день рождения.

Алешка опустил зажигалку в карман, не испытывая почему-то никакой радости оттого, что стал обладателем этой драгоценной вещи. И вдруг подумал: его день рождения ни при чем, не будь похоронной, Борька никогда не подарил бы зажигалку, и ему, конечно, жалко ее.

От этих мыслей Алешке стало горько, слезы опять покатались из глаз. Он вынул из кармана

подарок.

— Не надо мне...

— Да ты что? Я же от чистого сердца.

Это «от чистого сердца» вдруг взбесило Алешку. Он вскочил и закричал:

— Врешь! Врешь ты все! Жалостливый какой нашелся! Вот твой подарок... — И, размахнувшись, швырнул зажигалку в самые заросли.

Борька, когда Алешка закричал, поднялся, потом медленно сел.

— Ну и дурак, — сказал он.

Алешка тоже сел. Они сидели спиной друг к другу, июльское солнце жгло им плечи. Прилетела ворона, тяжело опустилась неподалеку на березовую ветку. Ветка качалась, а ворона глядела на них. Потом она испуганно вспорхнула, ветка снова закачалась. Из-за дерева вышла Шура Ильина, точно она, притаившись, все время стояла там, слушая их разговор. В руке у нее была старенькая корзинка.

— Вы что кидаетесь, — сказала она, строго вздернув выгоревшие брови. Глаза у Шурки немного косили, она стояла, смотрела в упор на Борьку с Алешкой и одновременно, казалось, высматривала кого-то еще по бокам. — Признавайтесь, кто кидал? Ты, Борька?

— Отстань ты! — сердито проговорил Борис.

— Еще и курят мне! — презрительно

добавила Шурка. — Вот скажу вашим матерям, они вам ноздри-то повыдерут.

И разжала кулак. На ее жесткой ладошке поблескивала зажигалка.

— Дай сюда, — крикнул Борька, встал, взял у нее зажигалку, положил себе в карман и опять сел.

Шура тоже опустилась на траву, поджав под себя исцарапанные ноги, рядышком поставила корзинку. На дне корзинки лежали два небольших белых гриба.

— Ни черта грибов-то нету, — с сожалением сказала она. — Измаялась только. Все подлески истоптаны, откуда им быть-то... А ведь ты, Борька, мне чуть голову не проломил.

Шурка жила через три дома от Алешки. Алексей не любил ее за то, что она была красивая, а он, как считал сам, совсем некрасивый. И еще за то, что она все время по поводу и без повода смеялась, будто постоянно видела своими косоватыми глазами по бокам что-то смешное, чего не дано было видеть другим. Еще удивительно, почему она сейчас не хохочет, а сидит и печально смотрит на свою пустую корзинку.

Только он подумал так, Шура заулыбалась вдруг, потом запрокинула голову с гладко зачесанными волосами и захохотала.

— Ты чего? — поднял на нее Борька свои круглые, злые глаза. От злости его жесткие, черные

волосы, подстриженные ежиком, заершились, казалось, пуще прежнего.

— Обманул меня сегодня мужичок-грибовичок.

— Какой тебе грибовичок еще?

— Есть такой... Маленький-маленький. Его даже увидеть нельзя. Но такой хитрый-прехитрый. Утром я вышла из дома, а он стоит за деревом, поманивает: пойдём-ка, укажу тебе самое грибное место...

— Врешь ты все, — сказал Борька. — Видеть его нельзя, а ты, значит, увидела.

— Ничего не увидела я... Ну, догадалась, что он там стоит... Взяла корзинку и пошла. Иду, а он впереди бежит, играет со мной. Отбежит, спрячется за кустик или за травинку, ждет. Я подойду — он покажет язычок и дальше бежит. А язычок ма-аленький, с росиночку. И так же поблескивает.

— Гляди ты, и язычок разглядела.

— Эх ты — обиженно сказала Шура и замолчала. Алешка был рад, что она замолчала. Он бы еще более был благодарен обоим, если бы они догадались встать и уйти, оставить здесь его одного. Он бы еще поплакал, уже не сдерживаясь, потому что понял вдруг: слезы облегчают.

Но они не уходили. Помолчав, Борис равнодушно спросил:

— Как же он тебя обманул-то, этот мужичок?

— А так и обманул, — встрепенулась Шура и опять заулыбалась. — Водил, водил по лесу — и раз! — исчез. Я стою прислушиваюсь — не играет.

— Что не играет?

— Ох, непонятливый! — сморщила девушка облупленный на солнце нос и бросила прутик, которым расправляла, расчесывала примятую траву. — Когда он тут, этот мужичок-то, если прислушаться — тоненькая музыка играет. Будто крохотный-крохотный ручеек звенит. А тут слушаю, слушаю — не звенит.

— Не звенит, значит? — переспросил Борька.

— Ага, не звенит, — вздохнула она. — Так и не показал грибного места.

— Мужики — они такие... Они обманывают, — проговорил Борька.

— Что? — повернулась к нему Шура. И медленно начала краснеть.

Шуре тоже было пятнадцать лет, но она казалась взрослее. Длинная и тонкая, туго обтянутая стареньким застиранным платишком, из которого давно выросла, эта девчонка всегда чем-то напоминала Алешке ящерицу. Может, тем, что была подвижной, стремительной, появлялась всегда неожиданно: то вывернется вдруг из-за угла, выскочит из подсолнухов на огороде, когда он, Алешка, шел куда-нибудь мимо их домика, или неожиданно выйдет, как сегодня, из леса, И

Алексей от этой неожиданности всегда вздрагивал.

Шура, кажется, заметила это и однажды спросила:

— Испугался, что ли?

— Боюсь я... ящериц-то, — ответил он ей. —

А ты — как ящерка.

Она захохотала. Хохотала она хорошо, носишко ее в это время подрагивал, а глаза становились еще косее. Но это Шуру несколько не портило.

— Так они не кусаются, — сказала она, отсмеявшись.

— Шуршат они в траве, вот что. Шмыгают.

— Ну и пусть шмыгают.

— Дак не поймешь, то ли это ящерица, то ли змея...

Шура потрянула головой, задумалась. Потом, что-то сообразив, холодно пообещала, глядя прямо ему в глаза:

— Я вот принесу из леса ящерку да суну тебе за шиворот. Будешь знать!

И ушла, строгая и обиженная.

Чем он обидел ее, Алексей до сих пор не мог сообразить. И только сейчас вдруг догадался.

Сейчас Шура сидела неподвижно и снова глядела печально на свою пустую корзинку. «Чудная, — подумал он. — То хохочет, то... И в мужичков-грибовичков вот верит». И без всякой

связи вспомнил вдруг, что ее отца тоже убили на войне, еще в прошлом году.

Сразу же у Алешки перед глазами встала утренняя картина: мать распечатывает конверт, подносит к глазам бумажку, хватает сухими, жесткими губами воздух и валится на пол... Жгучий тяжелый комок подкатился к горлу и остановился — не проглотить его, не выплюнуть. «Оставьте вы меня или нет?» — хотел крикнуть он, но не мог, потому что из глаз потекли слезы, а сквозь стиснутые зубы едва не прорвался стон. И он отвернулся.

Отворачиваясь, Алешка заметил, что старенькое Шурино платье с боку, возле небольшой, с кулачок, груди, разошлось по шву, и сквозь дырку просвечивала темноватая, загорелая полоска тела. И на эту полоску почему-то безотрывно глядел Борька.

Потом-то Алексей и услышал его слова:

— Мужики — они такие... Они обманывают.

Алексей незаметно вытер кулаком глаза и поднял голову. Он увидел, что Шура холодно смотрит в упор на Бориса, как смотрела на него, Алешку, когда он сказал: не поймешь, мол, кто там, в траве, шуршит, ящерица или змея.

Она, краснея, торопливо прикрыла локтем порванное место и еще раз, со злостью, крикнула:

— Ты что?!

— Ничего, — ответил Борька, отводя взгляд в сторону. — Чего тут раскричалась? У Алешки вон отца убили, а ты... Идешь мимо, так иди...

Брови у девушки вздрогнули, приподнялись. И больше Алешка ничего не видел. Он уткнул голову в самые колени и сам почувствовал, как затряслась его выгнутая горбом спина. Рвущиеся из горла рыдания он еще мог сдерживать, но со спиной поделаться ничего не мог: она тряслась.

— Не надо, Алеша... Понимаешь, не надо, — услышал он дрожащий Шуриный голос и ощутил на своем плече кончики ее пальцев.

— Иди ты... Поняла?! — взорвался он, поднимая мокрое лицо.

— Я уйду, я уйду сейчас, Алешка... — торопливо проговорила она. И закричала на Бориса: — А ты чего расселся тут?! Ступай отсюда.

— Катись ты! Пристала... — попробовал было огрызнуться Борька, но девушка подошла и толкнула его.

— Иди, иди... Айда, сказано!

Чтобы не упасть, Борька вскочил на ноги, сжал кулаки. Но Шура, не давая ему опомниться, все толкала и толкала его — Борис пятился, махал руками, что-то кричал. А потом плюнул и пошел впереди Шуры.

Алексей смотрел на уходящих с облегчением. Потом лег на траву, растянулся во весь рост и

вволю наплакался, уже никого не стесняясь...

С того дня вроде ничего не изменилось на земле и будто все стало немножко другим. Улица, на которой они жили, стала будто чуть поуже и погрязнее, разномастные домики, выглядывающие из-за поломанных заборов и штакетников, казались теперь Алешке испуганными, унылыми, а небо над ними — пустым и неуютным.

— Ну что, Алешенька, — тихо сказала осенью мать. — Как теперь со школой-то? Кормиться как будем?

После похоронной у матери что-то случилось с сердцем, и она ушла с завода, где работала формовщицей в литейном.

— Что ж, пойду работать.

— А может, на пенсию проживем как-нибудь? Хлебные карточки дают ведь...

— Да что уж... Пойду.

И он стал работать учеником токаря, а потом токарем.

До войны завод выпускал сельскохозяйственный инвентарь — бороны, культиваторы, сеялки, а теперь делает гильзы для снарядов и даже минометы. Рабочих не хватало, иногда приходилось не выходить с завода по нескольку дней. Но зарабатывал Алешка хорошо, и в общем жили они с матерью более или менее сносно.

Отношения с Борисом у Алексея были прежние. Виделись они, правда, редко.

Однажды, когда он, усталый, шел с работы, чуть не засыпая на ходу — пришлось почти без перерыва простоять у станка две смены, — его кто-то догнал и тронул за плечо.

— Алеша...

Алексей обернулся. Перед ним стояла Шура. Она была одета в суконное, сильно потертое пальтишко, в руке держала ученический портфель, туго набитый книгами.

— А-а, — сказал Алексей. — Здравствуй.

— Здравствуй, здравствуй, — смеясь, сказала девушка. Было утро, апрельское солнце светило ей в глаза, и, видно, от этого они лучились.

— Ты откуда это так рано? — спросила она, помолчав.

— С завода я.

— Ага... А я в школу. Ну, до свидания.

Еще раз улыбнулась своими косыми глазами и побежала дальше, прижав к груди портфель обеими руками. Но вдруг обернулась и крикнула:

| — Ящерицу-то я тебе положу за шиворот!

Подошел Борька с полевой сумкой через плечо, тоже набитой учебниками.

— Привет рабочему классу! — крикнул он. — С кем это ты тут? А-а, Шурка... Ничего Агаша выросла.